

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 3 (12)

Academic Journal

Series:

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow

2016

ВЕСТНИК РГГУ

№ 3 (12)

Научный журнал

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Москва

2016

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Ключанов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаплина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., проф. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., проф. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИРЯ РАН), И.С. Смирнов, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Топа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А.С. Усачев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД РФ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: С.А. Родин, канд. ист. н., ст. преп. (РГГУ, РАНХиГС), М.А. Алонцев, науч. сотр. (РГГУ, РАНХиГС), Д.А. Комиссаров, канд. филол. н., доц. (РГГУ, РАНХиГС)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

- М.А. Алонцев*
«Его речи о пути многочисленны»: функции жития
Джа‘фара Садика в «поминаниях друзей божьих»
Фарид ад-Дина ‘Аттара.....9
- Е.Е. Арманд*
К построению словаря лингвистических терминов
персидского языка.....26
- Е.Л. Никитенко*
Рассказ о себе как средство исцеления.....39
- Ю. Н. Наумова*
Современные демонологические представления казахов
о джиннах и пери.....48
- Е.Л. Комиссарук*
Очерк историографии Ладакха.....61
- Д.А. Комиссаров*
Смерть Майи в буддийской агиографии.....68
- Ю.Д. Минина*
Традиционный костюм *ао зай* как социокультурный
феномен в истории развития вьетнамского общества.....82

Г.С. Старостин
К вопросу о методологии языкового анализа
древнекитайских текстов (ч. 2).....93

А.Н. Мещеряков
Между водой соленой и пресной: осмысление
моря в японской культуре.....117

М.В. Торопыгина
Сочинение стихотворений на заданную тему
(на материале *Сётэцу моногатари*).....138

Abstracts.....151

Сведения об авторах.....154

CONTENTS

Articles and reports

- M. Alontsev*
His speeches about the path are numerous:
functions of “Remembrance of Ja‘far Sadiq”
in the “Remembrances of God’s friends”
of Farid al-Din ‘Attar.....9
- E. Armand*
Towards the construction of a Persian-Russian
dictionary of linguistic terms.....26
- E. Nikitenko*
Self-narrative as a cure.....39
- Yu. Naumova*
Kazakh people’s contemporary demonological
ideas of peri and djinn.....48
- E. Komissaruk*
On historiography of Ladakh.....61
- D. Komissarov*
Maya's death in buddhist hagiography.....68
- Yu. Minina*
Traditional garment *ao dai* as a sociocultural phenomenon
in the history of Vietnamese social development.....82

<i>G. Starostin</i> On the question of methodology of language analysis for Old Chinese texts (part II).....	93
<i>A. Meshcheryakov</i> Between salt water and fresh water: reflections of the sea in Japanese culture.....	117
<i>M. Toropygina</i> Composing poems on prescribed topics (analyzing <i>Shotetsu monogatari</i>).....	138
Abstracts.....	151
General data about the authors.....	154

Статьи и сообщения

М.А. Алонцев

«ЕГО РЕЧИ О ПУТИ МНОГОЧИСЛЕННЫ»:
ФУНКЦИИ ЖИТИЯ ДЖА‘ФАРА САДИКА
В «ПОМИНАНИЯХ ДРУЗЕЙ БОЖЬИХ» ФАРИД АД-ДИНА
‘АТТАРА¹

Статья посвящена исследованию «Поминания Джа‘фара Садика», открывающего крупнейший персоязычный агиографический сборник «Поминания друзей Божьих» Фарид ад-Дина ‘Аттара (ум. 1221). В первую очередь рассмотрены апологетические аспекты этого жития в контексте предшествующей суфийской житийной традиции. Кроме того, выявлены мотивы, отчасти раскрывающие замысел, которым руководствовался автор при создании книги.

Ключевые слова: Фарид ад-дин ‘Аттар, суфизм, «Поминания друзей Божьих», суфийская агиография, суфийская апологетика.

Конец X в. был периодом окончательного формирования суфийской традиции в разных регионах ‘Аббасидского халифата. В это время был создан обширный корпус апологетической суфийской литературы, которая составляет источниковедческую базу для современных исследователей суфизма. Менее чем за одно столетие возникло большое число биографических сводов (*tabaqāt*)², трактатов и практических руководств (*risāla*)³, охватывавших все основные аспекты формирующейся «суфийской науки» (*‘ilm at-taṣavvuf*). Изначально эта традиция была полностью арабоязычной, однако начиная со второй половины XI в. количество работ на персидском языке постоянно росло. В созданных трудах объяснялась терминология, обсуждалась природа чудес, приписываемых суфиям, а также подробно излагались правила подвижничества и отношений подвижников внутри суфийских сообществ. Все важные тезисы этих сочинений подкреплялись ссылками на авторитетные высказывания авторитетных представителей складывавшейся традиции. Среди них

мы находим подвижников, которые жили и умерли еще до того момента, как суфизм оформился в качестве самостоятельного религиозно-мистического учения.

Жизнеописания и высказывания этих ранних авторитетов стали неиссякаемым источником для более поздних суфийских авторов: отсюда они черпали примеры благочестивого поведения и ответы на различные морально-этические вопросы. Более того, сохраняя и передавая учения ранних подвижников, авторы суфийских сочинений стремились доказать «правоту» суфийского движения и отразить нападки его критиков, в частности тех суннитских ученых, которые выступали против различных проявлений суфийского индивидуализма, выражавшегося в приобретении персонального религиозного опыта. Апологеты основывали свою полемику на тезисе о том, что суфийские идеи и практика находятся в полном согласии с сунной пророка Мухаммада, деяниями и высказываниями его соратников и ранних мусульманских подвижников. Проблема, с которой столкнулись защитники суфизма, заключалась в том, что с точки зрения богословия суфизм, как и некоторые другие «неортодоксальные» учения, имевшие хождение среди мусульман (свобода человеческой воли, антропоморфизм Бога, переселение душ), считался недопустимым «новшеством» (*bid'a*)⁴. Задача же суфийской апологетики состояла в том, чтобы доказать, что суфизм вовсе не является новацией суфиев, привнесенной ими в ислам, а представляет собой исконную составляющую мусульманского вероучения⁵.

Авторы суфийских сочинений разными способами старались убедить своих читателей в том, что элементы подвижничества и аскетического самосовершенствования были неотъемлемой частью «правотного» ислама с момента его возникновения. Именно поэтому они многократно ссылались на аскетизм и благочестие Пророка и его ближайших соратников, изображая их первыми подвижниками ислама. Для их описания они использовали термин «друг Божий» (*valī*)⁶. 'Али ибн 'Усман Джуллаби Худжвири (ум. 1073 или 1077) в главе «Об утверждении святости» первого из дошедших до нас самостоятельного персоязычного трактата «Раскрытие сокровитного» (*Kašf al-maḥjūb*) пишет: «Знай, да придаст Бог тебе сил, что это слово (*valī* – М. А.) распространено среди людей, употребляется в Книге и сунне. По Его словам, “О да, ведь для друзей Аллаха нет страха, и не будут они печалиться”⁷. <...> Пророк (да

благословит его Бог и приветствует!) сказал, мол, Господь (*велик Он и славен!*) рек: “*Кто задевает друга Божьего, тот осмеливается на вражду со Мной*”. Смысл в том, чтобы ты узнал, что Бог (*велик Он и славен!*) выделил друзей Божьих [своей] любовью и приближенностью [к себе], выбрал их правителями Его Царства, сделал их являющими Его действия, возвысил их при помощи различных чудес (*karāmāt*). Он очистил их от природных страстей и освободил от устремлений [низшей] души. Все их помыслы – о нем, их привязанность – лишь к Нему одному. Они были до нас, в прошлые века, они есть сейчас, они будут существовать вплоть до дня Воскресения, так как Господь (*возвышен Он!*) выделил эту общину перед всеми остальными, чтобы она оберегала закон Мухаммада (*да благословит его Бог!*)⁸».

Как следует из приведенного выше фрагмента, «друзья Божии» являются «выделенным» элементом мусульманской общины: они существовали во все эпохи и будут существовать до конца этого мира, они отмечены Богом, их задача – оберегать закон, ниспосланный Богом пророку Мухаммаду. Такого рода «косвенная» апологетика была одним из основных полемических приемов защитников суфизма: они не только указывали на аскетизм, нестяжательство и благочестие Пророка и его сподвижников как примеры для подвижников следующих поколений, но и создавали непрерывную историю «друзей Божьих», присутствующих в общине правоверных во все времена. Еще одним важным приемом «косвенной» апологетики было создание духовной генеалогии отдельных мистиков. В такой цепочке (*silsila*) среди духовных предтеч суфия обычно упоминались «праведные халифы» и пророк Мухаммад (впрочем, иногда все же встречались духовные генеалогии, завершающиеся на известных суфиях прошлого – Абу Йазиде Бистами или Абу-л-Касиме Джунайде)⁹.

Как мы видим, апологеты суфизма разработали целую систему аргументации и топику для полемики с их идеологическими оппонентами. Далее мы более подробно рассмотрим апологетические фрагменты наиболее важных арабо- и персоязычных суфийских произведений X–XI вв.¹⁰

Обзор крупных суфийских сочинений описываемого периода следует начать с арабоязычного сочинения Абу Насра ас-Сарраджа (ум. 988) «Книга о самом светлом в суфизме» (*Kitāb al-luma‘ fi-t-taṣawwuf*). Главную свою задачу при написании этой книги Саррадж

видел в том, чтобы показать, что суфизм уходит корнями в первоначальную мусульманскую традицию, связанную с Пророком и его сподвижниками. Предваряя основную часть книги, посвященную скрупулезному разбору различных суфийских терминов и практик, Саррадж пишет, что религиозные знания, даруемые Богом своим рабам, заключены в трех источниках: в Коране, в «том, что унаследовано от Пророка», т. е. в Сунне, и в «том, что открыто сердцам друзей [Божьих]»¹¹. Далее, отвечая на вопрос об основных принципах суфизма, автор приводит знаменитый коранический аят об «обладающих знанием» (*ūlū-l-‘ilm*)¹² и высказывание Пророка «Ученые (*‘ulamā’*) наследуют пророкам». После этого Саррадж выделяет три класса «ученых» – знатоки хадисов (*aṣḥāb al-ḥadīth*), правоведы (*fuqahā’*) и суфии (*ṣūfiyya*), соотнося их с тремя типами религиозного знания. Саррадж не только стремится поставить суфиев на один уровень с представителями двух первых классов, но и убедить читателя в том, что суфии обладают преимуществом над правоведом и знатоками хадисов. По его словам, суфиев выделяет то, что в отличие от других классов «ученых» они находят практическое применение многим кораническим аятам и сообщениям о жизни Пророка, а также обращают внимание на «истины и тонкости» (*ḥaqā’iq wa daqā’iq*) различных психологических состояний¹³. Другая причина превосходства суфиев, по мнению Сарраджа, – их склонность к самопознанию: они познают «низкую душу и ее приказания», видят «тонкости лицемерия», «сокрытое вожеление» и «спрятанное многобожие». Кроме того, в отличие от знатоков хадисов и правоведов, суфии знают, как спастись от этого¹⁴. Третьей причиной превосходства суфиев Саррадж считает их осведомленность в тонкостях «неясных знаний», которые сложны для двух других классов «ученых». В данном случае автор имеет в виду разнообразные аспекты «стоянок» суфийского пути («близость», «единение», «единобожие», «исчезновение», «пребывание»)¹⁵.

Автор другого известного арабоязычного суфийского компендиума «Пища сердец» (*Qūt al-qulūb*) Абу Талиб ал-Макки (ум. 996) также раскрывает апологетическую направленность своего сочинения. Ссылаясь на вышеупомянутое высказывание Мухаммада, он пишет: «И ученые, которые наследуют пророкам, благочестивы в вере в Бога (*велик Он и славен!*), отрекаются от соблазнов этого мира. Они говорят, опираясь на достоверное знание и силу, а не на знание, [основанное] на личном мнении, и страсти. Они молчат о неясностях

и [расхождении] мнений. Ведь в день Воскресения для ученых, которые являются свидетелями Бога Всевышнего, эти [слова] будут противоречить мнению умствующих и пустословию невежд. Так передают со слов ‘Абдаллаха ибн ‘Умара, передавшего слова Пророка, мол, первые из людей этой общины благочестивы и [пребывают] в мироотречении и достоверности, а последние вязнут в скупости и [пустых] надеждах¹⁶».

Для того чтобы «легитимировать» суфийское движение, доказать, что суфизм является исконной частью мусульманского вероучения, создатели ранних агиографических сочинений начинали свои работы с изложения биографий соратников Пророка и знаменитых раннемусульманских подвижников, тем самым показывая, что нестяжательство, отсутствие потребностей, благочестие, присущие суфиям, были важной частью ислама со времен Мухаммада и его соратников. Следовательно, эти ранние религиозные авторитеты являются предтечами суфиев.

Первое из дошедших до нас агиографическое сочинение «Разряды суфиев» (*Ṭabaqāt aṣ-ṣūfiyya*) принадлежит перу ‘Абд ар-Рахмана ас-Сулами (ум. 1021). Это произведение, возможно являющееся сокращенной версией не сохранившегося свода «История суфиев» (*Tārīḫ aṣ-ṣūfiyya*)¹⁷, содержит жития 105 подвижников, разделенные на пять временных периодов. В небольшом предисловии Сулами утверждает, что «вслед за пророками (*мир им!*) идут друзья Божьи (*awliyā’*), которые наследуют их обычаи, ведут их общину по их пути и направляют их»¹⁸. Далее он развивает эту мысль: «Друзья Божьи и замещающие¹⁹ растолковывают общине внешнюю [сторону] закона и внутреннюю [сущность] смыслов, наставляют их делом или словом благодаря своим нравам или положительным [качествам]. В общине они – наследники пророков и посланников (*благословения Бога им!*), они владеют [сокрытыми] смыслами единобожия, являются знатоками хадисов, обладают проницательностью, честностью, прекрасными нравами и повинуются установлениям посланников (*благословения Бога всем им!*), пока не настанет Час. Передают о Пророке (*благословит его Бог и приветствует!*), что он сказал, мол, в моей общине всегда будут сорок человек с нравом Ибрахима Халила²⁰. В “Книге мироотречения” я рассказал о сподвижниках [Пророка], о следовавших за ними и о следовавших за следовавшими за ними»²¹. Затем Сулами описывает композицию своего произведения и попутно рассказывает о «вождях, шейхах и ученых»

пяти эпох, тем самым приравнивая суфийских наставников к сподвижникам Пророка и их последователям²².

Младший современник Сулами – Абу Ну‘айм ал-Исбахани (ум. 1038) – создал арабоязычное сочинение «Украшение друзей Божьих» (*Ḥilyat al-awliyā*), пожалуй, самое полное собрание биографий того времени. В авторском введении ал-Исбахани описывает признаки «друзей Божьих» и «чистых» (*aṣfiyā*)²³, а после этого переходит непосредственно к суфиям: сначала он уделяет несколько пространных пассажей вопросу о происхождении термина «суфизм» (*taṣawwuf*)²⁴, а затем приводит краткое изложение основ «суфийской науки»²⁵. Собственно биографическая часть сочинения, состоящая из 649 жизнеописаний, начинается с житий четырех «праведных халифов»: Абу Бакра, ‘Умара, ‘Усмана и ‘Али²⁶. Также ал-Исбахани приводит жития сподвижников Мухаммада, их соратников и потомков, основателей суннитских мазхабов, известных подвижников и собирателей хадисов²⁷. И лишь затем он переходит к жизнеописаниям суфиев²⁸. Такая композиция книги наводит на мысль, что собирание биографий суфиев и «легитимация» суфийского учения путем выстраивания их «благочестивой» генеалогии не были первоочередными задачами для ал-Исбахани. Многотомное «Украшение друзей Божьих» скорее представляет собой авторское изложение истории мусульманского благочестия начиная от сподвижников Мухаммада и заканчивая старшими современниками ал-Исбахани. Суфии включены в этот компендиум благодаря тому, что соответствуют тому набору качеств, которыми в понимании ал-Исбахани обладают «друзья Божьи».

Первым из дошедших до нас персоязычным суфийским компендиумом является сочинение ‘Али Худжвири «Раскрытие сокрытого». В этом монументальном произведении теоретическая часть, посвященная многообразным аспектам суфийского учения, предваряется биографическим разделом. В нем Худжвири, по всей видимости опираясь на сложившуюся арабоязычную традицию, приводит биографии четырех «праведных халифов», людей, принадлежавших к «дому Пророка» (*ahl al-bayt*)²⁹ и к следующему после сподвижников Мухаммада (*tābi‘ūn*) поколению. Далее располагаются жизнеописания подвижников, принадлежащих к последующим поколениям вплоть до времени жизни автора.

В отличие от предшественников, Худжвири во вступительной части трактата не развивает дискуссию о природе суфизма,

взаимоотношениях «друзей Божьих» и «ученых», и более того – не рассуждает о легитимности суфийского учения в рамках «правоверного» ислама. Для него «познание Бога» (*ma'rifat-i allāh*) уже является неотъемлемой частью этой религии. А сам по себе процесс познания невозможен без соблюдения предписаний шари'ата: «Мухаммад ибн Фазл ал-Балхи (*да пребудет с ним милость Божья!*) говорит: “Знание бывает трех видов: знание от Бога, знание с Богом и знание о Боге”. Знание о Боге – это познание, благодаря которому его знали все друзья Божьи. Они не знали Его до тех пор, пока им не было явлено постижение и пояснение от Него <...> Знание от Бога – это знание Закона (*'ilm-i šarī'at*), которое Он завещал нам и сделал [для нас] обязательным. Знание с Богом – это знание стоянок на пути к Истинному (*'ilm-i maqāmāt-i tarīq-i ḥaqq*) и объяснение степеней друзей Божьих. Следовательно, познание невозможно без принятия Закона, а исполнение Закона невозможно без выявления стоянок»³⁰.

Традиции составления агиографических сочинений, заложенные авторами X–XI вв., писавшими, за исключением Худжвири, на арабском языке, продолжает персоязычное произведение Фарид ад-дина 'Аттара (ум. 1221) «Поминания друзей Божьих» (*Tazkirat al-awliyyā*). Более того, 'Аттар в значительной степени использует информацию, приводимую в житийных сводах предыдущих эпох. М. Эсте'лами, исследователь текста, во введении к собственному изданию указывает основные источники произведения 'Аттара³¹. Среди ранних образцов этого жанра сборник «Поминания друзей Божьих» выделяется высокой степенью авторской работы над материалами: сухие факты, заимствованные из ранних биографических суфийских сочинений, 'Аттар обрамляет многочисленными красочными деталями, рассказами о чудесах и легендами. Вряд ли подобное обращение с фактологическим материалом может сделать «Поминания друзей Божьих» надежным источником исторической информации. Тем не менее данное произведение несомненно дает нам достаточно полное представление о религиозных взглядах автора, о том, каким 'Аттар представляет себе идеального суфийского наставника. По словам Маршалла Ходжсона, эти «очень трогательные и живые биографические истории гораздо эффективнее доносят до читателя суфийское учение, нежели любой схоластический суфийский трактат»³².

Сборник житий открывается авторским введением, после которого приводится житие Джа'фара Садика³³. 'Аттар объясняет

причины такого выбора: «Мы уже говорили, что если станем описывать жизнь пророков, асхабов³⁴ и людей дома³⁵, потребуется отдельная книга. А эта книга станет описанием жизней тех шейхов, которые были после них. Однако мы начнем с Садика в силу [его] святости (*да будет доволен им Бог!*), ведь он также был после них. Поскольку большинство речей о людях дома были переданы им и многие восходят к нему, мы скажем несколько слов об этом господине. Ведь все они суть одно: если описать его жизнь, то это будет жизнеописанием их всех. Разве ты не видишь, что люди, придерживающиеся его мазхаба³⁶, признают двенадцать имамов? То есть один – это двенадцать, а двенадцать суть один»³⁷.

В изложении ‘Аттара Джа‘фара Садики предстает идеальным подвижником³⁸: «Он был постоянным примером для подражания, шейхом всех людей Божьих, имамом всех последователей Мухаммада. Он был вождем всех людей вкушения и главой всех людей любви³⁹. Он предводительствовал над праведниками и был уважаем мироотреченцами. Он был великим в изложении тайн истин и бесподобным в тонкостях тайн откровения и толкования. Он передал многие великие высказывания Бакира⁴⁰ (*да будет доволен им Бог!*)»⁴¹.

Действительно, фигура Джа‘фара Садики, считавшегося шестым шиитским имамом, играет важную роль в суфизме. Он включен во многие суфийские генеалогические цепочки; его высказывания, посвященные разным аспектам суфийской терминологии, часто приводятся в сочинениях, а его биография входит в крупные суфийские антологии. В «Поминаниях друзей Божьих» ‘Аттар также приводит ряд историй, связывающих Джа‘фара Садики с суфизмом. Он, в частности, упоминает о его встрече с «прото-суфием»⁴² Давудом ат-Та’и (ум. 775)⁴³: «Передают, что однажды Давуд ат-Та’и пришел к Садику и сказал: “Потомок Посланника Господа! Дай мне совет, ибо мое сердце почернело!”. [Садик] сказал: “Абу Сулайман! Ты – мироотреченец [этой] эпохи. Зачем тебе нужны мои советы?”. [Давуд] ответил: “Отпрыск Пророка! Ты достойнее всех сотворенных, поэтому советовать всем – твоя обязанность!”. [Садик] сказал: “Абу Сулайман! Я боюсь, что в день Воскресения мой предок спросит меня, мол, почему ты не выполнил [свою] обязанность и не последовал за мной? Это не имеет отношения к правильной родословной или к могучим предшественникам. Это относится к поведению, которое достойно чертога Истинного”. Давуд заплакал и

сказал: “О Господи! Когда тот, чья глина замешана на воде пророчества, чей предок – Посланник, а мать – Непорочная (*batūl*)⁴⁴, настолько сбит с толку, как может быть Давуд доволен своим поведением?”⁴⁵.

Также ‘Аттар приводит рассказ о встрече Джа‘фара Садика с Суфьяном ас-Саури (ум. 776)⁴⁶ – другим известным «прото-суфием»:

Передают, что Джа‘фар Садик на некоторое время уединился и не выходил наружу. Суфьян Саури пришел к его дому и сказал: “Люди лишены пользы от твоих речений. Почему ты уединился?”. Он ответил: “Настоящее таково, что *‘Пришла в упадок эпоха и изменились братья’*”. И прочитал эти два бейта. Стихи:

*Ушла преданность, как ушел вчерашний [день].
Люди окружены своими помыслами и желаниями.
Известны среди них любовь и преданность,
Но сердца их наполнены скорпионами!*⁴⁷.

Другая известная история, повествующая о связи Джа‘фара Садика с суфизмом, приводится в житии Байазид Бистами⁴⁸. ‘Аттар сообщает о наставниках Байазид, одним из которых и был Садик: «Рассказывают, что однажды он находился подле Садика. Садик сказал: “Достань ту книгу из ниши”. Байазид спросил: “Из какой ниши?” Садик сказал: “Ты давно уж здесь и не заметил эту нишу!?” Он ответил: “Нет. Мое ли это дело поднимать голову подле тебя? Я сюда не поглазеть пришел”. Садик сказал: “Раз так, возвращайся в Бистам, твое дело окончено”»⁴⁹.

Несомненно, ‘Аттар приводит эти истории для того, чтобы показать «правочность» суфийского учения, и для этого не найти более подходящей фигуры, чем Джа‘фар Садик. Его благочестие признавалось представителями всех ответвлений ислама, поэтому использование такого авторитета в качестве предтечи и покровителя суфизма должно способствовать «легитимации» суфизма в глазах его оппонентов, указывать на согласие суфийского учения с традицией Пророка, его сподвижников и потомков.

В житии Джа‘фара Садика ‘Аттар развивает еще одну важную тему – расхождений во взглядах между «приверженцами Сунны и согласия» (*ahl-i sunnat-u jamā‘at*) и «приверженцами дома Пророка» (*ahl-i bayt*) – т. е. между суннитами и шиитами. Раскол, произошедший в мусульманской общине после смерти пророка

Мухаммада из-за спора о наследовании власти, перерос в многовековое идеологическое, а зачастую и вооруженное противостояние соперничающих сторон. В эпоху 'Аттара этот конфликт вышел на новый уровень: раздираемое внутренними противоречиями государство Сельджуков подвергалось как атакам извне со стороны представителей региональных мусульманских династий и крестоносцев, так и серьезному давлению на своей территории со стороны исмаилитов Аламута⁵⁰. Последние вели ожесточенную борьбу против «узурпаторов» Сельджуков, и в определенные моменты своего существования исмаилитское государство представляло собой большую угрозу для сельджукских правителей. Сложившуюся ситуацию 'Аттар описывает следующим образом: «Настало время, когда лучшие из людей дурны и худшие из людей забыли лучших»⁵¹. По мнению автора, одна из задач данной антологии заключается в том, «чтобы ущербные люди этого времени не забывали обладателей счастья, искали избравших уединение и затворничество и [вместе] с ними являли рвение, чтобы через дуновение их счастья обрести связь с вечным блаженством»⁵².

Трудно найти более подходящую фигуру для примирения враждующих между собой групп мусульман, чем Джа'фар Садик – представитель рода пророка Мухаммада, одинаково уважаемый суннитами и шиитами. В одном из фрагментов его жития 'Аттар удивляется самому факту того, что люди могут искать расхождения между «приверженцами Сунны и согласия» и «приверженцами дома Пророка», называя эти поиски «пустым измышлением»⁵³. В качестве подтверждения своих слов автор рассказывает истории о двух выдающихся суннитских законооведах – Мухаммаде аш-Шафии и Абу Ханифе. Аш-Шафии, по словам 'Аттара, был настолько проникнут любовью к представителям «дома Пророка», что был обвинен в приверженности идеям рафидитов⁵⁴ и брошен в тюрьму⁵⁵. Т. е. выдающийся суннитский богослов не видел ничего предосудительного в почитании представителей рода Мухаммада. 'Аттар приводит похожее по тематике высказывание Абу Ханифы: «Когда у имама Абу Ханифы спросили, мол, кто более достоин среди последователей Пророка (*благословения и мир ему!*), он ответил: “Среди старцев – Сиддик⁵⁶ и Фарук⁵⁷. Среди молодых – 'Усман и 'Али. Среди девушек – Фатима, а среди жен – 'Аиша (*да будет доволен Бог ими всеми!*)”»⁵⁸. Тем самым 'Аттар дает читателю понять, что особый пиетет к потомкам Мухаммада не является

исключительно шиитской прерогативой. Напротив, представители «дома Пророка», их образ жизни, поступки и слова служат образцом для всех представителей мусульманской общины.

В заключение стоит отметить, что, создавая свою антологию жизнеописаний мусульманских подвижников, ‘Аттар активно использовал уже накопленный традицией опыт. Это касается и суфийской апологетики: на примере открывающего книгу жития Джа‘фара Садика мы видим, что для автора «Поминаний друзей Божьих» было важно показать, что своими корнями суфизм уходит в первые века ислама, а благочестие суфиев есть не что иное, как подражание образу жизни и поступкам пророка Мухаммада, его сподвижников и потомков. Помимо этого, в «Поминании Джа‘фара Садика» постулируется еще один важный для ‘Аттара момент – автор показывает всю абсурдность вражды между «приверженцами Сунны и согласия» и «приверженцами дома Пророка» и желает ее скорейшего прекращения.

Примечания

- 1 Работа выполнена в рамках НИР «Традиционные основы современных культур и макрорегионов Востока» (ШАГИ РАНХиГС, 2013–2014).
- 2 Практика составления сочинений жанра *ṭabaqāt* (араб. и перс. «разряды») возникает еще в первые века ислама. Зачастую подобные произведения объединяли биографии как представителей одной социальной группы или класса, так и людей, имеющих один общий признак. Сочинения в этом жанре посвящались певцам, поющим рабыням, купцам, писцам и т. д. Несколько позже появляются биографические труды, посвященные поэтам (*Gilliot Cl. Ṭabaqāt // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: J.I. Brill, 1991*). В свою очередь, возникновение «разрядов суфиев» свидетельствует еще об одном важном моменте: суфии начинают представлять себя отдельной социально-исторической общностью.
- 3 Литературный жанр, тематика которого охватывала все области знания средневековой мусульманской культуры. Стоит отметить, что авторы крупных суфийских руководств зачастую включали в свои произведения довольно обширные биографические разделы.
- 4 Существовали разнообразные классификации «новшеств». Изначально новшества разделялись на «достославные» (*maḥmūda*) и «порицаемые» (*mazmūma*). Позже возникла их более четкая иерархия. В частности, такие «новшества», как изучение грамматики, риторики, хадисов, права, а также отрицание сект, считались деяниями, обязательными для общины (*farʿ kifāya*). Кроме того, выделялись «рекомендуемые» (*mandūba*) новшества – например,

- открытие школ; «дозволенные» (*mubāḥa*) – потребление приятной еды и напитков, ношение красивой одежды; «неодобряемые» (*makrūha*) – излишнее украшение мечетей или копий Корана; «запрещенные» (*muḥarrama*) – признание и распространение учений, противоречащих сунне и обычаям мусульманской общины. Многие богословы обвиняли суфиев в привнесении в ислам новшеств именно последнего вида (Robson J. Bid'a // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: J.I. Brill, 1991).
- 5 С похожей проблемой ранее столкнулись поэты и стилисты, разрабатывавшие положения науки о поэтических фигурах и красотах стиля (*'ilm al-badī'*). Считается, что первыми от канона стихосложения отошли поэты Башшар, ал-Валид и ал-'Аттабб, начавшие использовать в своих стихах иносказания. В свою очередь в аббасидских литературных кругах было много критиков использования подобных поэтических новшеств (*badī'*) – «созданных» поэтами метафор и сравнений. Позже Ибн ал-Му'таз в «Книге украшений» (*Kitāb al-badī'*) доказал, что поэтические украшения не являются «изобретением» вышеуказанных поэтов: он привел примеры использования *badī'* в доисламской арабской поэзии, Коране, хадисах и ранних образчиках классической арабской поэзии (Khalafallah M. Badī' // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: J.I. Brill, 1991).
- 6 «Друг божий» – *walī* (букв. «приближенный»). В Коране это слово употребляется в нескольких значениях: «покровитель», «защитник», например, см.: (Коран 45:10; 45:19); «друг», «близкий», см.: (Коран 33:5; 41:31); «помощник», см.: (Коран 34:41; 39:3). Наиболее интересным для нас примером является Коран 62:6, где встречается словосочетание «близкие к Богу» (*awliyā' li-llāh*): «Скажи: “О вы, которые стали иудеями! Если вы утверждаете, что вы – близкие к Аллаху, помимо прочих людей, то пожелайте смерти, если вы правдивы!”» Цитаты из Корана приведены в переводе И.Ю. Крачковского: Коран. [Электронный ресурс]. URL: <http://tanzil.net/> (дата обращения: 09.02.2015). Позже именно это значение слова стало основным. Впоследствии была разработана иерархия «святых», в которой «друзья Божьи» занимали место вслед за пророками; авторы подобных классификаций зачастую ссылались на известное изречение пророка Мухаммада «Друзья Божьи наследуют пророкам» (*al-awliyā' waraḥat al-anbiyā'*), подробнее см.: Radtke B. Walī // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: J.I. Brill, 1991. Как видно даже из названий нижеприведенных агиографических сочинений (например, *Ḥilyat al-awliyā'*, *Taḥkirat al-awliyā'*), собирательный термин «Друг божий» (*walī*) довольно часто использовался для обозначения разнородной по составу группы «мусульманских святых», в которую входили несколько первых поколений мусульман, благочестивые подвижники первых веков ислама, законоведы и богословы, а также суфии.
- 7 Коран 10:62.

- 8 *'Alī ibn 'Uṭman Hujvirī. Kaṣf al-mahjūb.* [Электронный ресурс]. URL: <http://sufism.ir/books/download/farsi/hojviri/kashfol-mahjoob.doc> (дата обращения 08.02.2015). S. 100–101.
- 9 См.: *Silsila // The Encyclopaedia of Islam.* Leiden: J.I. Brill, 1991. Примеры подобных генеалогий можно увидеть, например, в *Ernst C.W. Ruzbihan Baqli, Mysticism and the Rhetoric of Sainthood in Persian Sufism.* Richmond: Surrey, 1996. P. XXIII.
- 10 Более полный список арабо- и персоязычных суфийских сочинений, в том числе и не дошедших до нас, можно найти, например, в *Karamustafa A.T. Sufism: the Formative Period.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 84–85.
- 11 *Abū Naṣr as-Sarrāj. Kitāb al-luma' fi-t-taṣavvuf / Arabic Text with English Introduction by R. A. Nicholson.* P. 2–3.
- 12 «Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него, и ангелы, и обладающие знанием, которые стойки в справедливости: нет божества, кроме Него, великого, мудрого!» (Коран 3:16).
- 13 *Abū Naṣr as-Sarrāj.* Op. cit. P. 13–14.
- 14 Ibid. P. 14.
- 15 Ibid. P. 14–15.
- 16 *Abū Ṭālib al-Makki. Qūt al-qulūb.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alwaraq.net> (дата обращения 02.02.2015). S. 245.
- 17 *Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм.* М.;СПб.; Дия, 2004. С. 141.
- 18 *'Abd al-Rahmān Sulamī. Ṭabaqāt aṣ-ṣufiyya.* [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.eshia.ir/40399/1/20> (дата обращения 02.02.2015). S. 20.
- 19 «Замещающие» – *budalā'*, один из высших рангов в суфийской иерархии. В «Раскрытии сокрытого» эта иерархия описана следующим образом: «Тех, кто имеет власть освобождать и связывать, кто служит при Божественном дворе, – их триста *axīar*, сорок *абдал*, семь *абрар*, четверо *аутад*, трое *нукаба* и один *кутб*, или *гавс*. Все они знают друг друга и действуют не иначе как по взаимному согласию» (*'Alī ibn 'Uṭman Hujvirī.* Op. cit. S. 101).
- 20 «Халил» – *xalīl*, букв. «друг», сокр. от *xalīl allāh* («друг Божий»), самое распространенное прозвище пророка Ибрахима, см.: *М.Б. Пиотровский. Ибрахѣм // ИЭС.*
- 21 *'Abd al-Rahmān Sulamī.* Op. cit. S. 21.
- 22 Сочинение Сулами оказало большое влияние на последующую мусульманскую агиографическую традицию. Считается, что оно было одним из основных источников для «Украшения друзей Божьих» ал-Исбахани и «Поминаний друзей Божьих» Фарид ад-Дина 'Аттара, о которых речь пойдет ниже.
- 23 *Abū Nu 'aym al-Iṣbahānī. Ḥilyat al-awliyā' va ṭabaqāt al-aṣṣfiyya'.* Beirut, 1967. S. 4–17.
- 24 Ibid. S. 17–21.
- 25 Ibid. S. 21–25.

- 26 *Abū Nu‘aym al-Iṣbahānī. Ḥilyat al-awliyā‘ va ṭabaqāt al-aṣṭiyā‘*. S. 25–87.
- 27 Отец ал-Исбахани был очень известным собирателем хадисов и стал первым учителем сына в этой области. Тот позднее продолжил свое обучение (сначала у других богословов Исфахана, а затем – в Хиджазе). Позже глубокое знание хадисов привлекло к ал-Исбахани его первых учеников (*Кныш А.Д.* Указ. соч. С. 144). Эти факты биографии ал-Исбахани объясняют столь большое внимание, уделенное им собирателям хадисов.
- 28 Примечательно, что ал-Исбахани не включил в произведение жизнеописание Мансура Халладжа, видимо, из-за излишней «радикальности» взглядов и идей последнего.
- 29 В этом разделе находятся биографии первых ши‘итских имамов вплоть до Джа‘фара Садика.
- 30 *‘Alī ibn ‘Uṭman Hujvirī*. Op. cit. S. 15.
- 31 По мнению М. Эсте‘лами, основными источниками произведения ‘Аттара были вышеупомянутые «Пища сердец», «Разряды суфиев», «Украшение друзей Божьих» и «Раскрытие сокрытого». Подробнее см.: *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī. Taẓkiratu-l-awliyā‘ / Barrasī, taṣṭīḥ-i matn, tawzīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti‘lāmī. Tihrān, 1386 (čāp-i 16). S bīst-ū haštum-sī-yu duvvum.*
- 32 *Hodgson M.G.S. The Venture of Islam: Conscience and history in a world civilization. Vol 2. Chicago, 1974. P. 305.*
- 33 Перевод всех фрагментов из памятника выполнен по изданию *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī*. Op. cit.
- 34 «Асхабы» –*ṣaḥāba*, сподвижники Пророка, люди, тесно общавшиеся с ним или принимавшие участие в военных походах. Впоследствии так стали называть всех, кто видел Мухаммада, даже будучи ребенком (*Большаков О.Г.* Ал-Асхāб // ИЭС).
- 35 «Люди дома» – *ahl-i bayt*, семья Пророка. Мусульманские авторы трактовали это выражение по-разному. Некоторые включают в «людей дома» потомков Абу Талиба, дяди Пророка и отца ‘Али, и ‘Аббасидов, потомков ‘Аббаса, другого дяди Мухаммада. Другие авторы также причисляют к ним всех хашимитов. В свою очередь, шииты включали в число «людей дома» только «людей накидки» (ар. *ahl al-kisā‘*, перс. *āl-‘abā*), подробнее см.: *Прозоров С.М.* Ахл ал-Байт // ИЭС. Термин «люди накидки» связан со знаменитым хадисом, включенным во многие авторитетные сборники: Мухаммад шел, завернувшись в накидку из верблюжьей шерсти, поочередно встречал на пути Хасана, Хусайна, Фатиму и ‘Али и укрывал их накидкой. Когда они собрались вместе, Пророку был явлен аят 33:33: «Пребывайте в своих домах и не украшайтесь украшениями первого неведения. Выстаивайте молитву, давайте очищение и повинуйтесь Аллаху и Его посланнику. Аллах хочет удалить скверну от вас, семьи его дома (*ahl al-bayt*, курсив мой – М.А.) и очистить вас очищением» (Коран 33:33). В традиционных толкованиях под

«семьей его дома» понимаются жены Мухаммада, однако шиитские комментаторы рассматривают случай с накидкой как доказательство их версии концепта *ahl-i bayt*: только «люди накидки» по-настоящему благочестивы и непорочны, см.: *Algar H. Al-e Abā // Encyclopaedia Iranica*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org> (дата обращения 08.02.2015). Кроме того, концепт «люди накидки» связан с диспутом между Мухаммадом и христианами из Наджрана относительно статуса Христа. По преданию группа видных мусульман и их христианские оппоненты вели ожесточенные споры, а когда аргументы у обеих сторон иссякли, Мухаммад предложил провести процедуру «взаимного проклятия» (*mubāhala*) – своеобразную ордалию, в ходе которой обе стороны зывают к Богу с просьбой покарать оппонентов. Комментаторы сообщают, что Мухаммад вышел вперед, прикрыв полами своей накидки Хасана и Хусайна. В этот момент ‘Али был рядом с ним, а Фатима – позади. Увидев грозную фигуру Мухаммада, раскинувшего руки, его оппоненты устремились и отошли назад (*Schmucker W. Mubāhala // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: J.I. Brill, 1991*).

- 36 Имеется в виду джа‘фаритская религиозно-правовая школа, которой придерживаются шииты-двунадесятники. Разработка положений этого мазхаба приписывается Джа‘фару Садику.
- 37 *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī*. Op. cit. S. 11.
- 38 Джа‘фар ибн Мухаммад Абу ‘Абдаллах ас-Садик (ок. 700 – 765) – шестой имам шиитов-двунадесятников. Как и его предшественники, не принимал активного участия в политической деятельности, не имел претензий на имамат. Джа‘фар Садик был убежденным противником вооруженной борьбы за власть и сохранял мирные отношения с омейядскими и ‘аббасидскими правителями. Более того, после свержения Омейядов он отказался от халифата, предложенного ему как главе рода пророка Мухаммада. В традиции известен как комментатор Корана и хранитель многочисленных преданий, восходящих к Пророку. После смерти Джа‘фара его приверженцы разделились на несколько общин: большинство признало законным имамом Мусу ал-Казима, ставшего седьмым в ряду шиитских имамов, однако незадолго до этого небольшая группа сторонников первого посчитала, что шиитскую общину должен был возглавить старший сын Джа‘фара Исма‘ил (ум. 762). Именно этот эпизод положил начало движению исмаилитов (*Прозоров С.М. Джа‘фар ас-Садик // ИЭС*).
- 39 Под «людьми вкушения» и «людьми любви» понимаются суфии.
- 40 «Бакир» – Мухаммад ал-Бакир, пятый шиитский имам и отец Джа‘фара Садика.
- 41 *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī*. Op. cit. S. 11.
- 42 Данный термин зачастую используется для описания представителей мусульманских аскетических и мистических движений первых веков ислама (Хасан ал-Басри, Ма‘руф ал-Кархи, Раби‘а ал-‘Адавийя). По тем или иным

- причинам они не могут считаться суфиями, однако их жизнеописания включены во многие суфийские агиографические сборники. Употребление этого термина для описания подобных фигур встречается в исламоведческих работах. Например, см.: *Karamustafa A.T.* Op. cit. P. 103.
- 43 Известный куфийский аскет и ученый. Теоретически встреча Давуда и Джа‘фара могла иметь место.
- 44 Прозвище Фатимы, дочери Мухаммада и жены ‘Али.
- 45 *Şayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nişābūrī.* Op. cit. S. 12.
- 46 Известный мусульманский ученый и аскет, младший современник Джа‘фара Садика, восхвалявшийся за стремление избегать контактов с этим миром. Один из «духовных» предков знаменитого суфия Сахла ат-Тустари (*Книги А.Д.* Указ. соч. С. 95 и 365). Его житие также включено в «Поминания друзей Божьих» (*Şayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nişābūrī.* Op. cit. S. 193–201).
- 47 *Şayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nişābūrī.* Op. cit. S. 13.
- 48 Абу Йазид Тайфур Бистами (ум. 875) – хорасанский суфий, в традиции представлен основоположником и эпонимом «опьяненного» направления в суфизме. Его житие является одним из крупнейших во всех антологии «Поминания друзей Божьих». В данном случае историчность повествования полностью исключена, так как разница между временем жизни Джа‘фара Садика и Абу Йазиды составляет почти 100 лет.
- 49 *Şayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nişābūrī.* S. 113. Перевод «Поминания Байзида Бистами» выполнен в рамках семинара Лаборатории востоковедения ШАГИ РАНХиГС (руководитель семинара – Чалисова Н.Ю., участники: Лахути Л.Г., Никитенко Е.Л., Счетчикова Т.А. и Алонцев М.А.).
- 50 Исмаилитское государство, центр которого располагался в крепости Аламут, было основано Хасаном Саббахом, приверженцем низаритского толка исмаилизма – одного из крупных ответвлений шиизма (о низаритах см.: *Daftary F.* A Short History of the Ismailis: Traditions of a Muslim Community. Edinburgh, 1998. P. 108–110). Низариты Аламута, присоединившие к своим владениям ряд горных территорий Кухистана и Альборза, оказывали военное сопротивление Сельджукам, а также успешно использовали тактику персонального террора: их жертвами становились сельджукские высокопоставленные чиновники. Уничтожить исмаилитское государство удалось лишь монгольским войскам. Об Аламутском периоде в истории исмаилизма см.: *Ibid.* P. 120–153.
- 51 Фрагмент авторского предисловия к антологии, перевод дается по: *Счетчикова Т.А.* Введение к «Тазкират ал-Аулийа’» Фарид ад-дина ‘Атгара: формулировка авторского замысла // Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика». № 6 (128). М.: РГГУ, 2014. С. 112.
- 52 Там же. С. 112.
- 53 *Şayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nişābūrī.* Op. cit. S. 12.

- 54 «Рафидиты» – *ravāfiẓ* (араб. «отвергающие»), одно из распространенных прозвищ шиитов, особенно имамитов. Поводом для такого названия послужил тот факт, что шииты «отвергали» законность правления трех первых «праведных» халифов (С.М. Прозоров. Ар-Рафида // ИЭС).
- 55 *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī*. Op. cit. S. 12.
- 56 Прозвище первого «праведного халифа» Абу Бакра.
- 57 Прозвище второго «праведного халифа» ‘Умара.
- 58 *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī*. Op. cit. S. 12. Интересно, что в данном высказывании в качестве «достоинейших» мусульман числятся представители противоборствующих лагерей: двоюродный брат Мухаммада ‘Али и Фатима, дочь пророка и супруга ‘Али, с одной стороны, и противостоявшие им ‘Аиша и ‘Усман – с другой.

ABSTRACTS

M. Alontsev

HIS SPEECHES ABOUT THE PATH ARE NUMEROUS: FUNCTIONS OF “REMEMBRANCE OF JA‘FAR SADIQ” IN THE “REMEMBRANCES OF GOD’S FRIENDS” OF FARID AL-DIN ‘ATTAR

The article deals with the “Remembrance of Ja‘far Sadiq”, opening chapter of the largest Persian hagiographic compendium “Remembrances of God’s friends” of Farid al-din ‘Attar (d. 1221). Apologetic aspects of this remembrance in the context of the earlier Sufi hagiographic tradition are primarily considered. In addition, the motives, partly revealing the author’s conception of this book, have been found.

Key words: Farid al-din ‘Attar, Sufism, “Remembrances of God’s friends”, Sufi hagiographic tradition.

E. Armand

TOWARDS THE CONSTRUCTION OF A PERSIAN-RUSSIAN DICTIONARY OF LINGUISTIC TERMS

The article discusses certain peculiarities of Persian linguistic terminology, employed to describe the Old Iranian verbal system. It includes individual dictionary entries containing the names of the various verbal categories of the Old Persian and Avestan languages. Each dictionary entry is accompanied with assorted examples of how these words are used in modern Persian-language descriptions of Old Iranian.

Key words: verbal terminology, Old Persian, Avestan.

E. Nikitenko

SELF-NARRATIVE AS A CURE

The present paper deals with the problem of the authorial motivation for writing self-narrative in Persian up to the 18th century. Some authors explicitly wrote about the reasons for speaking about themselves, and one of the arguments is that the author had to write a self-account so as to overcome his troubles and grief. This argument is the only one that is related to the author’s inner world. The traditional ideas of self-narrative as a cure are examined in the paper.

Key words: Persian literature, autobiography, self-narrative, authorial motivation

Yu. Naumova

KAZAKH PEOPLE’S CONTEMPORARY DEMONOLOGICAL IDEAS OF PERI AND DJINN

The article focuses on contemporary ideas of two characters of Kazakh demonology – peri and djinn – received during field research of 2009–2013 among Kazakh people living in North East Kazakhstan. It clarifies functional and semantic

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Компьютерная верстка *С.А. Родин*

Ответственные за выпуск:
Редактор номера *С.А. Родин*
Редактор номера *М.А. Алонцев*
Корректор номера *Д.А. Комиссаров*

Формат 60x90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 66.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru